

Откровение Схимника

Он проснулся. Над монастырём стояла глубокая ночь. Давно кончились «правила», все братья спали. В правом углу его кельи, над древней обшарпанной, кожаной книгой с крестом на обложке, горела лампада. В иконах томился огарок свечи. Я сидел в изголовье. Я ждал... Уже долго... Я ждал, когда схимник откроет глаза...

- А ведь я тебя, Витенька, видел во сне, - сказал старец, с трудом выбираясь из грубого драпового одеяла.

Схиигумен Отец Алексей жил в самой большой, двухкомнатной келье обители. В глубине этой кельи, из древних камней был изложен камин. Вокруг стола, изготовленного из осиновых прутьев, покрытого шкурой какого-то дикого зверя, стояли деревянные пеньки. Пеньки служили гостям табуретками, возле стола.

Я сидел на одной из таких табуреток, наблюдая за старцем. Монах управлялся с камином. А я грешно думал, что батюшка очень похож на коварного лешего из детских сказок, столь необычен был его заспанный, полурастрёпанный вид. По сухому, жилистому телу отшельника можно было изучать анатомию. Настолько оно всё светилось, а в тусклом свете лампы и вовсе казалось прозрачным.

Между тем, дед Алексей уже ломал сухие веточки и бересту, которую он собирал для себя только сам, в заповедном лесу, недалеко от обители.

- Я, м, солнце моё, ведь давно в своих снах тебя вижу. Вижу... Всё вижу, солнце моё! Знал о том, что придёшь. Только ты всё кругами...

Вокруг всё, да около. Да... А ко мне не заглядывал? Экий проказник!

- Заблудился я, Отче, по жизни, - ответил я старцу.

- Понятное дело оно, как здесь, солнышко, не заблудиться? – Подтвердил мне отшельник. – Кругом бурелом. И следов людских нет. Одни демоны рыщут, да добычи ищут. С пути всех сбивают, таких дурачков, вот, как ты. Ты ведь как думал, Витя, когда ко мне шёл? Найду деда Алексея, он мудрый, меня разберёт, как машинку стальную, разложит запчасти по полочкам, выбросит лишнее, нужное вставит и всё??? Я найдусь и враз стану другим. Новым стану, налажусь?.. Все грехи мои сразу, как с гуся вода?.. Старец с ехидцей взглянул на меня, будто пронзил моё сердце насквозь.

- Верно, батюшка, всё так и было.

- Вот и все мы такие, сынок. Без труда получить, всё желаем. А оно не бывает ведь так, без труда. Боженька, Он ведь чего от нас хочет? Да всего ничего, чтобы мы с тобой душеньки наши почистили, вымели хлам, прибрались, как хозяева в кельях заброшенных, мысли пустые оставили там, за калиткой, зачем они нам? Ты подумай! Тогда Он и милость Свою нам проявит. И помощь окажет. А может, и нет? Ишь, на всё Его Воля! Засмеялись.

Затрещал огонь в камине. По келье разошёлся благовонный аромат.

- Вот и слава Тебе, - сказал старец Алексей, - сейчас квас будем пить. Знатный квас у меня, сам квас ставлю, люблю это дело. А чай я не пью. Он дурит.

Квас разливал он из чайника, чайник был полон. Из горлышка чуть пролилось на огонь. Раздалось шипение.

-Такой древний чайник теперь можно видеть, наверное, только в музее, - подумал я. И только позже сообразил, что отшельник действительно ждал меня, знал, что приеду, если чайник уже был наполнен, вязанка дров приготовлена. – Истинно, всё насквозь видит и мысли читает. Как странно!

- Экая невидаль, мысли читать! – Улыбнулся монах, присаживаясь ко мне. – Солнышко ясное, дитяtko малое, их и читать то не надо. Тишину надо слышать... Покой... Разум чистым быть должен, как небушко, вот и наука. Всё слышать будешь, увидишь, коль так. Это вовсе не чудо, ничуть. Нет, не чудо, совсем. Это каждый так может. Ка-аж-дый! Э-эх, баловство! Горе с вами, ребятаки.

Глядя на огонь, отшельник притих. Я тоже не решался продолжить беседу. Воцарилась зловещая пауза.

Два человека: один бородатый, сутулый и немощный инок; другой – сорокалетний мужчина, заблудший в дремучей тайге своей собственной жизни. Сидели в обители монастыря тёмной ночью у доброго пламени и... Просто грелись.

Для каждого из них эта встреча была очень важной, поскольку встретились они на поворотном моменте своих непростых дорог – судеб. Это чувствовал каждый из них, и поэтому оба молчали. Каждый с жаждой вкушал тишину.

Между тем, келья наполнилась запахом леса, деревьев и трав. Как-то стало уютно, тепло и спокойно. Всё случилось само по себе, по-домашнему просто.

- Зло правит нынешним миром, - прервал паузу старец, бесы из земли вышли. Вселились в людей. Люди, Витенька, стали, как бесы. Превзошли своими злодеяниями всех допотопных людей. Воровство, скверна, смертоубийство вошли нынче в обычай. Нет страха пред Богом. Нет больше святости, солнышко ясное, никаких норм. Торжествует суждение, зависть, злопамятство, ненависть, тупость, вражда. Любостяжание, прелюбодеяние, да похвала грязным блудом. Зачем такой мир?

Я почувствовал, как необычно, вдруг взволновался Иигумен: лицо его бледное вдруг покраснело; глаза заблестели во тьме. Алексей встал и направился в тёмный подвал, что закрыт, был невидимой крышкой, прямо напротив камина. Вскоре он появился оттуда с тетрадью. Тетрадь была толстая, в золотом переплёте, с застёжками, видно было, что схимник ей дорожил. Он сел близко к огню, открыл книгу и начал читать:

«Наступит двадцать первое столетие, я вижу. Будет оно несравнимо страшнее, чем все предыдущие от Рождества. Народ того времени станет безликим и разум людей помрачится от плотских страстей. Бесчестие и беззаконие наречётся законом. Одикинут везде человеки, ожесточатся, превратятся в чудовища, много страшнее зверей. Дети возненавидят родителей, внуки и внучки – своих стариков, пропадёт любовь в семьях. Скромность и целомудрие назовутся посмешищем, признаком слабости. Блуд и распущенность воцарят над потомками Евы с Адамом. Ложь достигнет своей высшей власти!

Горе тем, кто в то время накопит сокровища! Грузом станут они во геене. Священники же христианские, от Патриарха до дьякона, станут мужьями тщеславными, гордыми, сребролюбивыми, не различающими, Тьмы от Света. Храмы будут они восстанавливать, купола и кресты золотить, холить внешнюю прелесть. Храмы встанут красивые! Очень красивые! Добрые... Живые Храмы...

Да только вот христианину, покорному Богу, нельзя будет их посещать. Повсюду будут

иконы, и люди в церковных одеждах, только всё это – жалкая видимость, а внутри – отступление, тлен. Только ересь и блуд!

Количество, называющих себя христианами, увеличится в тысячи и миллионы, - пустая наружность, обрядность, а всё вместе – ложь.

Монахи оставят пустыни свои и пещеры, потекут вместо них в города, где воздвигнут огромные здания, словно палаты царей. Вместо любви к нищете и затворничеству, возрастёт их любовь к собирательству мирского блага, они поклонятся Мамоне.

Смирение сменится гордостью, гордостью, а не гордыней, ибо многие возгордятся познанием, книгоствательством, а не любовью. Воздержание сменится чревоугодием. Не будет ничем отличаться монах от мирянина, только одеждой. Будут жить среди мира и в мире, а называть себя несправедливо – монахами. Деньги будут просить у людей за Деяния Бога. Вижу всё, как убийство и кража господствуют в обществе. Люди безумствуют. Кто не безумствует, им говорят, что ты плох, не от мира сего. И клюют»...

На этом затворник захлопнул тетрадь, пот выступил жирными каплями на его красном лице. Он провёл рукой по голове, затем встал, спрятал тетрадку обратно в подвал, закрыл бережно крышкой и опустевшими, мёртвыми, бледными от страха глазами, беспомощно уставился на огонь. Я обдумывал то, что услышал и внимательно смотрел на пророка. Дед Алексей молчал долго, по всему было видно, что его переполняют грустные мысли и переживания. Потом, вдруг, Святой улыбнулся и заговорил:

- Откровение, солнышко. Пятьдесят лет назад написал во грехе эти строчки. И каюсь за это до сих. Ведь сбылось всё до капельки, Боже, как жаль. А теперь отдохнуть тебе надо. Устал ты с дороги, однако. Да и от встречи со мной утомился, старик ведь, чего там. Устают что-то многие, так уж. Не знаю. Поспи, солнышко ясное, пусть приснятся тебе только самые сладкие сны. А уж я помолюсь...

После этого, я почувствовал, что в моё тело вливается что-то незримое, некий сладкий и тёплый эфир, про себя я назвал его так: он – «сияние неземного блаженства». Покой. Объяснить про него невозможно. Он живой, добрый, мирный и ласковый, он всегда вокруг нас. Келья вдруг закружилась вокруг меня в сказочном круговороте, я мгновенно уснул. И снилось в ту ночь мне действительно что-то прекрасное, неуловимое, милое, - это была настоящая сказка!

Не видел я только того, как дедушка взял меня на руки, и, как младенца, отнёс ласково на свою коечку. Потом укрыл заботливо одеялочкой, а сверху шкурой медвежьей, подоткнул под бока и под ноги, чтобы не дай Господь, не надуло. Перекрестил, чмокнул радостно в лоб, по-отцовски.

- Спи, дитяtko, спи, золотой. Всё пройдёт, подожди. Твоей жизни ещё впереди много – много, не то, что моя... Уж совсем на закате. Недолго уже. Бог привёл тебя, Виктор.

А потом старец вышел наружу. До утра простоял он под звёздами, тихо – тихо читая молитвы и перебирая в руках свои ветхие, верные чётки. Он смотрел в это небо и видел, он видел своими глазами начало, - начало конца. Последний путь стал для него сном «пришельца из нового мира». Близкая перспектива бессмертия не давала покоя.

Надо честно признаться, не сразу дошло до меня, где нахожусь, когда я проснулся. Но как осмотрелся вокруг, тут же вспомнил всё: волшебную встречу с дедом Алексеем; пророчества старца; его откровение; полное драматизма и безысходности. Глаза мои заблестели от слёз.

- Слава Богу за всё, - прошептал я в пьянящем бреду пробуждения.

Скинул нагретое телом своим одеяло и скоренько – скоренько, как молодец, быстро

спрыгнул на пол.

В эти секунды я чувствовал себя удивительно свободно и легко, мне казалось, - спал я очень долго, может быть целую вечность, и в это прекрасное время в душе моей всё улеглось. Как-то всё успокоилось, вокруг чудодейственным образом воцарилась гармония, к которой я так не привык. Очевидно, за время чудесного сна, в душе моей произошли перемены, мой внутренний мир изменился, ушли мои страхи, тревоги и переживания. Добиться подобного состояния хоть ненадолго, я желал много раньше и долго, но думал, что это никак не возможно, вот так, за одну всего ночь.

- Без сомнений, старец Алексей – чудотворец, - подумал я, - он меня исцелил. Этой ночью он просто изгнал из меня моих бесов, что терзали меня, может всю мою жизнь. Я вдруг понял, что я стал другим.

Снаружи в келью падал высокий луч солнца. Мне казалось, что я здесь уже не впервые. Иногда так бывает, - ощущаешь, что был здесь когда-то давно, и не просто был здесь, а жил здесь очень долгое – долгое время. Всё знакомо тебе. А сам старец Алексей уже не был чужим, стал до боли родным, близким мне человеком.

-Вот и ладно, и всё. Слава Богу, - ворчал нехотя старец. - Все они, Витенька, как ни крути, твари Божьи, - и бесы, и сытики... Даже сам Дьявол! Конечно, а что? А ты, милый, как думал, что нет? Вот, нуждаются, бедные, в теплоте человеческой, в нашей. А мы? Холодно им, понимаешь, во тьме, словно в яме сырой. Зябко там. Тень, только сам посуди, ведь она же слепая, не смотрит на солнышко, некогда ей, всё дела! Одиноко им там. Ты не слушай, родной, никого. Я скажу тебе так: главный ключик ко всем чудесам – это наша любовь. Только наша, ничья. Вот и вся тебе скрытая истина – тайна. Больше нет никакой, не ищи.

После этого, старец, пока остальные монахи были на службе, пригласил меня прогуляться по местному лесу. И я с удовольствием принял его приглашение, даже не догадываясь о том, насколько оно может стать интересным.

Всё это утро Отец Алексей улыбался. Каждое слово он произносил с необычной, какой-то мистической нежностью. С каждой веточкой, с кочкой, с развилкой, с овражком, со сломанной палкой на ёлке, он вёл душевные беседы. А те будто слышали старца и всё понимали. Однажды мне показалось даже, что берёзка одна поклонилась ему, очевидно в знак радости встречи, а может быть в знак уважения, может быть просто из вежливости. И вообще, во время нашей прогулки по лесу я понял, что путешествую по какой-то таинственной, доброй лесной сказке. По сказке, в которой Старец Алексей был настоящим хозяином. Ибо всё, что окружало отшельника, благоухало, и было наполнено необъяснимой сердечностью, сладостью, теплотой чувств. Схимник, безусловно, понимал язык птиц, зверей и растений. Вокруг него, куда бы он ни пошёл, всегда кружила стайка бойких птичек. Птички смело садились на голову и спину деда, порой облепляя его с головы и до пят. В таком виде Иигумен и вовсе смотрелся каким-то нелепым лесным существом, нереальным созданием дикой, нетронутой человеком природы.

От осознания происходящего, голова моя, буквально шла кругом.

Да и вот ещё что...

Пока я был здесь, мой старец не ел ничего. Я кушал с монахами в трапезной, дед Алексей её не посещал.

- Интересно, а чем он питается? – Думал я всё это время.

Только очень стеснялся спросить. Однажды старец, в очередной раз подслушал мои

сокровенные мысли.

- Я, по правде сказать, моё солнышко ясное, очень давно, ничего, кроме кваса не употребляю, - сказал он.

От удивления я, как-то даже присел. Сбил меня окончательно с толку старик. Но отшельник не дал себя ждать, поспешил сразу всё объяснить:

- Может, слышал, когда выражение: «питаться Духом Святым»? Вот и я, Святым Духом и сыт. Это просто. Сподобил на эту возможность Господь. Так и всё. Благодать. Ничего мне не нужно из пищи. Знаешь, Витя, такая свобода!

Тогда вспомнились мне слова из «Евангелия от Матфея»:

«Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа, не больше ли пищи, и тело – одежды? Взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их. Вы, не гораздо ли лучше их?» (Гл. 6. 25-26.).

Понемногу я стал обживать на новом месте. Только после этого, отшельник, наконец-то завёл разговор, за которым я, видимо и приехал. Старец сам посчитал это нужным.

Однажды ночью, как всегда после «правил», Схиигумен Отец Алексей неожиданно начал рассказывать мне про себя.

- Солнышко ясное, радость моя, как же, Боже, давно это было! Юным был я, сын мой, сила текла водопадом могучим ещё в моём теле. И, вот, шло моё тело по миру в мучительных поисках истины, в поисках Бога. Много лет шёл я, и многое видел, пока, наконец, не добрался до «Места Святого». Оно, Витя, есть. На карте его не ищи, не найдёшь. Это «Место Святое» немногие знают. А которые знают и знали, давно уже Богу представились. Один я из них, стало быть, и остался. Один на Земле.

Там, на «Месте Святом», я и начал своё послушание Боженке.

Вот скажи мне, сын мой, что является главным в служении Богу?

- «Закон Божий», наверное, до мелочей исполнять, и все «правила», что прописала нам Церковь Святая.

- Нет, солнышко ясное, это не так. МОЛИТВА – вот мать служения, - и тогда Иигумен стал проникновенно серьёзным, словно закрылся внутри себя от наносного. Так, сосредоточившись, он продолжал:

- Раньше я, Виктор, тоже так думал. Покуда не встретил серьёзных людей, открывших мне тайну молитвы. Ведь, как вы сейчас поступаете, люди, - пошёл в Церковь, свечку поставил, послушал пение батюшек, им исповедался, да причастился, и... Всё?

- Да, нет, вроде, не всё, - возразил, было, я. – Мы и дома молитвы читаем. Как Христос завещал.

- А не надо молитвы читать, - сказал дед Алексей. – Их творить надо. Делать.

Как Господь сотворил всё вокруг, так и мы... Молитвой своей можем сотворить Бога.

Можем сотворить всё. Вот в чём главная тайна молитвы! А у вас – баловство. Послушай, сын мой, старика.

Огонь бессмертия хранится в нашем сердце. Безмолвие, покой, сосредоточенность – в душе. Когда сольёт молитвенник всё это воедино, – узнает он Святого Духа, как себя. И будет с Ним и воссоединится с Богом. И станет сам Творцом Вселенной. Вот, что такое есть молитва.

Старец замолчал. У меня появилось время обдумать то, что я услышал. Тогда я понял, что сейчас отшельник делится со мной своей самой сокровенной тайной.

- Сейчас никто не знает ничего, безмолвствует искусство, - скорбно произнёс Отец Алексей. – Вот и привёл тебя, сын мой, ко мне Господь. Чтобы я передал тебе в рученьки дело своё. На молитве стоит этот мир. Так что слушай меня и внимай. Мне не долго осталось уже. Вижу смерть. Торопиться мне надо.

- Что же делать мне, батюшка, чтобы искусство такое освоить?

- «Богоделием» это искусство зовётся. Молитва – «созерцательной». А учение – «светословием». Цель его – соединение с Богом через произношение Имени Господа – Иисуса Христа. Произноси же молитву:
«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного».

И тогда я всегда буду рядом. Научу тебя, сын мой, молитву творить. Дух мой будет учить тебя, солнышко ясное. Тело моё к тому времени примет Земля. Только ты не печалься об этом. Душа моя уже в твоём сердце, сынок, навсегда.

- Что же всё-таки это за молитва такая? – Спросил я.

- А вот нет без неё ничего! – Заявил мне отшельник и тут же добавил:

- Источник всякого блага! Исполнять добродетель и души спасать. Жизнь души внутри тела, твоя и других. Ни к чему здесь слова. Всё поймёшь, придёт срок.

На келью опустилось возвышенное, трепетное, робкое молчание. Созерцание покоя и сладострастия наполнило наши души. Игумен смотрел на огонь, по его бороде играли огненные блики.

- Учись, солнышко ясное, светословию, - сказал он. – «Только во Тьме – Свет; только в молчании – слово». Как дышишь, так и молись. Дух Святой, Он, как воздух, непрестанно должен струиться в тебе. А иначе нет смысла дышать.

Я понял, что это самый ответственный момент в моей жизни. Ощутил, что сейчас старец передал мне самую важную тайну в мире, как эстафетную палочку. Что дальше нести её – мне. Меня бросило в пот.

- Спаси, Господи, Отче! – Вымолвил я.

- Неси, мой малыш, свет молитвы в чернеющий мир. Не храни эту тайну, не нужно. Пусть людям будет светло.

- Почему бы Вам, батюшка, в мир сейчас не возвратиться? – Спросил тогда я. – У нас Церкви и вера в народе!

- Да какая там вера, - улыбнулся отшельник. – Не вера, а видимость веры. Не религия – только игрушки. Иерархи церковные денежки так возлюбили, что стыдно за них. Какие хоромы себе понастроили, ходят с охраной, на каких иномарках катаются? Вера... Чем больше веры и Храмов, тем больше и зла. Разве может быть так?

Через два часа старец слёг, больше не поднимался. Это были последние слова схимонаха Отца Алексея на грешной земле.

© Copyright: Петр Крестников, 2009
Свидетельство о публикации №1907140300